

XVIII.

Чѣмъ дальше поднимались мы по Нилу, тѣмъ становилось малолюднѣе. Характеръ мѣстности также измѣнялся значительно. Время года стояло такое, когда жара достигаетъ своей высшей силы. Близость раскаленныхъ пустынь еще болѣе усиливала нестерпимый зной, выжигая жалкія поля кое-гдѣ разбросанныхъ рисовыхъ плантацій.

А у насъ теперь зима настоящая, — говорилъ папа. — Морозы, чай, такіе заворачиваютъ, что на славу, да и снѣгомъ все сплошь покрыло... тамъ чистая смерть, только вороны съ воробьями и выдерживаютъ... намъ не стерпѣть!

Онъ намъ объяснилъ причины нашихъ ежегодныхъ перелетовъ, и мы благословляли Бога, даровавшаго намъ могучія крылья, а съ ними и вѣчное лѣто.

Но и здѣсь становилось наконецъ невыносимо... Всѣ крайности никуда не годятся: великій холодъ и чрезмѣрный зной одинаково неудобны.—А дальше, говорили намъ, гораздо лучше... Дальше, хотя и южнѣе, а пойдутъ глухіе, дремучіе лѣса, за облака поднимутся высокія горы, вѣчнымъ льдомъ покрытыя, умѣряющія жаръ. Тамъ великія озера, цѣлыя внутреннія моря... Тамъ рай сравнительно съ этою печальною, солнцемъ спаленною, мѣстностью...

Спустя недѣлю, мы проносились надъ пѣнистыми, бурливыми порогами Нила и видѣли, какъ гибнутъ, разбиваясь о камни, неловкія человѣческія лодки. Скоро послѣ этого мы прибыли на мѣсто, гдѣ рѣка раздваивалась. Влѣво шелъ широкій протокъ, Атбара, прямо — Баръ-эль-Абіадъ... Болотистые разливы, покрытые дымкою тумана, окружали городъ... Это былъ Хартумъ... Мы предпочли миновать его поскорѣе и были на то довольно основательныя причины: тамъ слышались выстрѣлы и лилась кровь... тамъ изъ за чего-то дрались люди, говорятъ, давно уже дерутся въ этихъ мѣстахъ, дерутся три расы: — черныя, смуглыя и бѣлыя. Чего-то подѣлать между собою не могутъ. Верхоглядъ пытался разъяснить намъ это, но какъ то не особенно вразумительно выходило.

Онъ намъ говорилъ, наримѣръ, что смуглые — это египтяне, и имъ очень непріятно, что сосѣди ихъ черные и отмыть эту черноту никакъ невозможно... Ну, убѣдились, что невозможно и оставъ въ покоѣ, а то нѣтъ, все еще пробуютъ высвѣтлить сосѣдей... Говорилъ онъ, что гдѣ то, далеко на сѣверѣ, есть одна порода совсѣмъ бѣлыхъ людей. — Эти люди вѣчно предлагаютъ свои услуги, при каждомъ недоразумѣніи ме-

жду кѣмъ бы то ни было. Пришли эти люди и сюда, на помощь египтянамъ... Эти уже порѣшили, что если нельзя отмыть черноты, то по крайней мѣрѣ выбѣлить ихъ, чтобы по наружности подходило... Принялись бѣлить, а вмѣсто того столько крови пролили, что вмѣсто бѣлаго, получилась самая красная окраска. Попытка ихъ не удалась, а платить за труды приходится смуглымъ, то-есть египтянамъ... А тѣ уже совсѣмъ обѣднѣли, послѣднее у нихъ забирать начали бѣлые пришельцы; говорятъ они бѣлымъ: — «господа, что-же вы дѣлаете?» — а бѣлые отвѣчаютъ: — какъ что, вносимъ въ ваши варварскія страны просвѣщеніе и, связавши васъ по рукамъ и ногамъ, этимъ самымъ уничтожаемъ невольничество, насаждаемъ свободу и равенство... развѣ это не ясно?!

Такъ объяснялъ намъ Верхоглядъ все, происшедшее между людьми въ этихъ мѣстностяхъ, но, вѣроятно, онъ что-нибудь перепуталъ... впрочемъ, дальнѣйшія наши наблюденія, съ высоты птичьяго полета, скорѣе подтвердили объясненіе Верхогляда, и мы мало по малу поневолѣ должны были ему повѣрить.

Однажды мы неслись надъ дивнымъ дремучимъ лѣсомъ; глухой шумъ голосовъ привлекъ наше вниманіе, и мы увидѣли большую толпу людей, съ трудомъ прокладывающихъ себѣ дорогу въ непроходимой чащѣ.

Шли больше черные, полуголые и совсѣмъ голые; они несли на головахъ своихъ и на спинахъ громадныя тяжести, какіе-то необыкновенной величины бѣ-

лые клыки, кувшины, наполненные водою, мѣшки съ рисомъ и прочее... Около шли пѣшкомъ и ѣхали верхомъ смуглые люди и жестоко хлестали бичами черныхъ, если тѣ приставали, или падали отъ усталости... Много черныхъ было обременено цѣпями, и между ними виднѣлись даже женщины съ дѣтьми. И тѣхъ не щадили безпощадные бичи египтянъ и арабовъ.

Эти странные путешественники не знали, что при выходѣ на берегъ, они какъ разъ наткнутся на лагерь бѣлыхъ, а намъ сверху все было отлично видно, какъ на ладони.

— Чѣмъ то, думаемъ, все это кончится?

Намъ даже радостно стало: — вотъ, думаемъ, бѣлые накажутъ смуглыхъ за ихъ жестокость къ чернымъ, они отнимутъ тѣхъ, освободятъ и поколотятъ злыхъ. — И за дѣло!!..

Дѣйствительно столкнулись, началась отчаянная свалка... Много съ обѣихъ сторонъ побито было народу, — одолѣли подъ конецъ бѣлые. — Что же мы увидѣли на слѣдующее утро? Нѣсколько смуглыхъ было повѣшено на деревьяхъ, остальные шли въ цѣпяхъ и тащили тяжести, а черные тоже шли съ ними рядомъ и тащили свой грузъ, только теперь бичами хлестали не смуглые, а бѣлые, и хлестали даже съ большею ловкостью и энергіей. Мы видѣли деревни черныхъ, до тла сожженные бѣлыми, видѣли разъ и мѣсто ужаснаго кроваваго побоища, гдѣ тѣла бѣлыхъ лежали цѣлыми грудами, привлекая гienъ и крылатыхъ хищниковъ... невозможный смрадъ отравлялъ воздухъ на громадномъ протяженіи, и мы летѣли дальше и дальше, огибая печальныя мѣста человѣческихъ недоразумѣній. Наконецъ, мы надолго избавились отъ людей и попали въ такія пустыни, гдѣ, вѣроятно, нога человѣческая еще не заходила, то есть бѣлые и смуглая ноги.

Какіе дивныя лѣса сплошь покрывали эту райскую мѣстность, какіе колосы растительнаго міра возвышались своими кронами надъ всѣмъ, покрывая сплошною тѣнью громадныя пространства.

Какіе чудныя луга пересѣкали лѣсныя чащи и по нимъ медленно протекали покойныя рѣки, несущія свои воды все въ тотъ же Баръ-эль-Абіадъ, какъ разъ по срединѣ прорѣзывающій эту цвѣтущую пустыню.

Рѣдко, очень рѣдко попадались затерянные въ лѣсахъ шалаши деревень чернокожихъ, окруженные полями риса и пшеницы. Также и по большой рѣкѣ изрѣдка появлялись тяжелыя лодки съ вооруженными людьми и изъ подъ навѣсовъ, покрывающихъ палубы, слышался все тотъ же знакомый стонъ неволи и брызгъ цѣпей, да свистящее хлопанье бича по голому, потному тѣлу.

Ужасная страна! Богато одаренная Богомъ, отравленная человѣческою злобою!

Спустившись на ночлегъ, предварительно тщательно осмотрѣвъ окрестности, для чего мы описали громадный кругъ, мы расположились на лугу, недалеко отъ пальмоваго лѣса, кишатаго попугаями и обезьянами. Дѣло было передъ закатомъ солнца, сумерокъ здѣсь не бываетъ, и густой мракъ почти моментально смѣняетъ яркій, солнечный свѣтъ дня. Стаи попугаевъ устраивались за свѣтло на ночлегъ... За пальмовымъ лѣсомъ разстилалось небольшое озеро, съ густо заросшими берегами; это озеро нѣсколькими притоками связано было съ рѣкою. Тамъ слышались грузныя всплески и тяжелое сопѣніе какихъ-то черныхъ массъ, — это были купающіеся бегемоты, безобразныя колоссы, тяжело и не-

уклюже ступающіе по сушѣ, зато легко ныряющіе и плавающіе въ водѣ, какъ въ своей болѣе близкой стихіи.

Въ сторонѣ отъ опушки росло отдѣльное дерево, далеко раскинувшее свои вѣтви, пустившее внизъ, до самой земли, цѣлую бахромку воздушныхъ корней... къ этому дереву подошло какое-то странное животное, съ короткимъ туловищемъ, на высокихъ, какъ у верблюда ногахъ, и съ длинною шеєю, голова животного была маленькая, сухая, съ небольшими рожками и красивыми черными глазами.

— Это жираффа, подсказалъ Долгонось, антилопа кроткая и мирная, ни для кого не опасная, робкая, но должно быть очень вкусная и я постараюсь ее предостеречь... Я вижу грозящую ей опасность.

Сказавъ это, Долгонось пригласилъ папа и оба они, внезапно поднявшись, пролетѣли мимо жираффы, — задѣвъ ея на лету своими крыльями...

Какъ разъ было во время! только что испуганная антилопа отскочила, и тяжелою раскачною рысью отбѣжала къ опушкѣ пальмовника, какъ изъ подъ кроны одинокаго дерева, словно новая живая вѣтвь, показалась громадная змѣя, конвульсивно извилась въ воздухѣ, крѣпко обвивъ хвостомъ древесный стволъ, и снова спряталась въ густыхъ зеленыхъ массахъ.

Проводить ночи въ такихъ мѣстахъ было весьма опасно, страшная темнота мѣшала зоркому наблюдению, а луна была на ущербѣ и появлялась послѣ полуночи.

Съ наступленіемъ мрака, повсюду загорались огоньки безчисленныхъ свѣтлячковъ, то неподвижные, то беззвучно перелетающіе съ мѣста на мѣсто. Въ чащѣ изрѣдка сверкали и парныя зеленоватыя точки, и слышалась безпокойная возня обезьянъ, встревоженныхъ приближеніемъ пантеры... На отмеляхъ ходили крокодилы... На свѣтломъ фонѣ, отражающаго звѣздное небо, озера появились массивные черные силуэты, это были слоны, пришедшіе на водопой. Мы еще засвѣтло видѣли ихъ, когда они, какъ будто чѣмъ то раздраженные, шли лѣсомъ, одинъ за другимъ, изрѣдка втягивая воздухъ своими хоботами и потомъ выпуская его съ рѣзкимъ звукомъ, похожимъ на свистокъ парохода.

Всплески воды и шелестъ камышей отъ набѣжавшей волны показывали, что слоны вздумали купаться. Въ это время надъ горизонтомъ показался оранжево-темный дискъ восходящаго мѣсяца, и таинственный фосфорическій свѣтъ, мало по малу сталъ разливаться по кронамъ тропическаго лѣса.

Какая картина! какое неизмѣримое, безконечное величіе творчества!

Но тутъ произошелъ такой переполохъ, такой адъ, что мы снялись разомъ и, какъ угорѣлые, пустились

на утекъ, стараясь только не разбиться врозь, а держаться кучею.

Раздался ревъ пантеры, испуганные вопли обезьянъ и попугаевъ. Все переполошилось! слышались чьи то жалобные, зовущіе на помощь, стоны. Ураганомъ, круша все на пути, пронесли слоны, а мы летѣли дальше и дальше, и только со свѣтомъ опустились снова и то, выбравъ мѣсто, подальше отъ всевозможныхъ засадъ и опасностей!

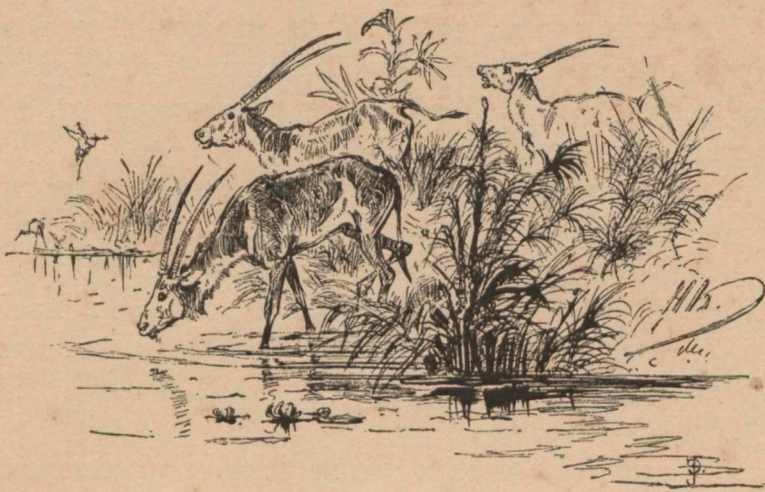
Да, здѣсь не заснешь такъ спокойно, какъ у насъ, на нашихъ мирныхъ сѣверныхъ болотахъ...

А спать хочется... Треволненія истекшаго дня и этой тревожной ночи даютъ себя чувствовать: глаза смыкаются; такъ бы и заснулъ, да подозрительны очень эти спящіе на пескѣ крокодилы... Только и надежда, что на чуткое ухо, да зоркіе глаза нашихъ часовыхъ.

Здѣсь словно все наоборотъ: здѣсь не ночь, а скорѣе день приноситъ покой и отдохновеніе; съ наступленіемъ же темноты, пробуждается злая воля и вырываются наружѹ разбойничьи инстинкты. Приходится измѣнять свои сѣверныя привычки и принаравливаться.

Нѣтъ, теперь я понимаю, почему мы выводимъ своихъ дѣтей не здѣсь, а на сѣверѣ. Здѣсь дай Богъ только свою шкуру уберечь, гдѣ уже тамъ нести заботливую службу высибки и воспитанія. Впрочемъ, приспособляются же ко всему здѣшніе, постоянные обитатели... Да, но на то они и здѣшніе, а мы залетные, сѣверные. Недаромъ старики говорятъ о сѣверѣ «въ нашихъ мѣстахъ»,—теперь и мы, молодежь, стали подумывать о значеніи слова: «наши мѣста», и эти чудныя красоты южной природы, мало по малу, стали утрачивать для насъ свое чарующее обаяніе.

XIX.

Подвигаясь, не торопясь, все южнѣе и южнѣе, проводя время то въ дорогѣ, то по цѣлымъ недѣлямъ на одномъ мѣстѣ, если встрѣчались мѣста поспокойнѣе, обиліе корма мы находили повсюду,—мы наконецъ, увидѣли на горизонтѣ нѣжныя очертанія горъ, принятыя нами сначала за облака. Какъ должны быть велики эти горы, если мы ихъ увидѣли задолго, чуть не за недѣлю раньше, чѣмъ мы прибыли къ ихъ подножію.

Вѣчные льды, покрывавшіе вершины этихъ горъ, были для насъ не достигаемы. Даже орлы и грифы приближаются только къ ихъ окраинамъ. Каково же было наше изумленіе, когда мы увидѣли выше облаковъ, почти въ уровень съ началомъ ледника, но далеко отъ него, летящій въ воздухѣ предметъ необыкновенной формы.

Это былъ пузырь, должно быть, громадный, но намъ издали казавшійся не больше крохотной рѣдиси, къ нему снизу была подвѣшена корзиночка и въ ней копошилось что-то живое.

Скоро мы разглядѣли, что это:—это были люди... Да, люди!—тѣ самые люди, которымъ Богъ отказалъ въ крыльяхъ, ради, конечно, нашего спокойствія,—которымъ суждено пресмыкаться только тамъ, внизу, эти люди забрались въ области, вовсе имъ не принадлежащія.

Бѣдныя птицы!

Мы долго наблюдали это необыкновенное явленіе, особенно Верхоглядъ—тотъ съ героическою смѣлостью летѣлъ сколько могъ ближе къ пузырю, такъ что разсмотрѣлъ все весьма обстоятельно, рискуя, главнымъ образомъ, попасться въ когти стаи грифовъ, сопровождавшихъ забравшихся не въ свое мѣсто людей, не только съ одинаковымъ съ нами любопытствомъ, но даже съ остервенѣніемъ.

Вдругъ изъ корзинки вспыхнулъ дымокъ, до нашего слуха донесся чуть слышный выстрѣлъ, и одинъ изъ грифовъ, перекувырнувшись, комкомъ полетѣлъ внизъ, исчезая въ облакъ.

Эге! надо значитъ относиться къ данному явленію съ уваженіемъ.

И понятно! Только геній человѣка могъ достигнуть возможности добратъся до облака... подняться на эту высоту.

— Но не летѣть куда хочется, — пояснилъ вернувшійся Верхоглядъ: — я замѣтилъ, что люди могутъ пока только произвольно подниматься и опускаться, и то до времени; а несутъ ихъ вѣтромъ не по ихъ волѣ, а часто даже вопреки ихъ желанію, что весьма легко можетъ привести къ гибели.

— И ты правъ! подтвердилъ Долгоносъ: — лѣтъ

десять или двѣнадцать тому назадъ я видѣлъ не здѣсь, а значительно сѣвернѣй, такой же шаръ, разорванною въ дребезги тряпкою висѣвшій на деревьяхъ, а внизу бездыханное, почти безформенное тѣло человѣка. Научные опыты безъ жертвы не обходятся. Но только какъ они сюда попали? это удивительно!..

Долго мы провожали глазами воздушный шаръ; наконецъ онъ скрылся, незамѣтно какъ то, словно растаялъ въ этомъ синемъ воздухѣ. Больше мы его никогда и не видѣли, и участь воздушныхъ путешественниковъ осталась для насъ неизвѣстна.

Черезъ пять дней мы, перелетѣвъ черезъ горный кряжъ, да и не одинъ, не на самой высотѣ, надо льдами, а выбравъ мѣста пониже, увидѣли безконечную, водную равнину громаднаго внутренняго моря — и здѣсь, близъ его береговъ, предполагалось провести время вплоть до возвращенія на родину...

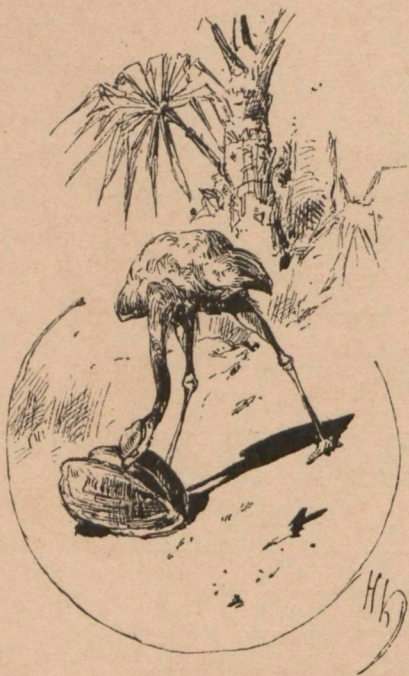
— На родину... Да, великое, чудное слово.

— Знаешь, милый, говорила мнѣ моя Черношейка: я все время ищу здѣсь клюквы... удивительное дѣло, — нигдѣ нѣтъ ни одной ягодки!.. Чего-чего здѣсь нѣтъ, но клюквы... А говорятъ еще страна необыкновенно богатая.

— Нѣтъ, сударыня, засмѣялся Верхоглядъ, — клюквы теперь вы не найдете, здѣсь еще до этого не дошли... Клюква — это штука тонкая — и не носу здѣшнихъ дикарей ее клевать — такъ-то-съ!

— Жаль! передернула крылышками Черношейка, а я бы теперь, кажется, всѣ финики, всѣ бананы и орѣшки — все-все бы отдала за одну ягодку.

— Это всегда такъ бываетъ: — женщины всегда особенно хотятъ того, чего нельзя достать, — подумалъ я и сталъ придумывать, чѣмъ бы мнѣ утѣшить мою капризницу.

Но она уже забыла о клю-
квѣ, и съ наслажденіемъ запу-
стила носикъ въ кокосовый
орѣхъ, спѣлый, упавшій со
страшной высоты на камень и
расколовшійся отъ того на двое.

Невдалекѣ отъ нашего ста-
новища было селеніе негровъ...
Высокій частоколъ окружалъ
группу плетенныхъ домовъ,
круглыхъ, какъ боченки, сма-
занныхъ глиною и съ высокими
конусообразными крышами...
По близости были и ихъ поля
съ маисомъ (кукурузою), тоже

обнесенныя частоколомъ—между полями и деревнею
расположены были загоны для скота, огороженные
еще выше, и на гребни частокола наложены были
еще колючія растенія, съ иглами острыми и куда
болѣе длинными, чѣмъ наши журавлиные носы—пре-
досторожность отъ пантеръ и львовъ, какъ намъ объ-
яснили старшіе.

Совсѣмъ голые люди часто показывались вблизи
насъ, но они были безъ ружей, а потому менѣе
опасны.—Я говорю «менѣе», ибо опасность все-таки
существовала: — люди эти такъ ловко пускали стрѣлы
изъ луковъ и даже просто руками швыряли короткіе
дротики, что довѣряться особенно ихъ близости не-
слѣдовало.

Двое изъ нашихъ уже поплатились за свое довѣ-
ріе, и мы оплакивали ихъ печальную участь... И что
удивительно:—дядя Клу-клу — старый, опытный жу-
равль, а прозѣвалъ бѣдняга. На моихъ глазахъ его
насквозь пронзила острая стрѣла и черный человѣкъ
съ торжествомъ потащилъ его въ свою хижину.

Дикари уходили надолго куда-то далеко, оставляя въ деревнѣ только женщинъ и дѣтей; тогда было почти безопасно, особенно по ночамъ, навѣдываться въ ихъ кукурузники, что мы и дѣлали.

Аисты и тутъ свивали свои гнѣзда на вершинахъ двухъ или трехъ конусовъ, но ихъ было не много и съ нами уживались они покойно. Мы отъ нихъ многое узнавали о жизни чернокожихъ... Эти аисты — нѣсколько меньше нашихъ и проводятъ тутъ круглый годъ, — безъ перелета — держась поближе къ человѣку, они лучше выдерживаютъ здѣшнія зимы, а какія это зимы! — «это просто, говорили они, дожди и дожди безъ конца, прерываемые иногда свирѣпыми бурями». Подчасъ бываетъ жутко, и еслибы не люди, съ которыми они и здѣсь въ полномъ согласіи, то было бы плохо!

Познакомились мы и съ гигантскими марабутами. — Что за дивная птица! и съ такимъ роскошнымъ опереніемъ, что люди грабятъ ихъ безпощадно. Вотъ еще удовольствіе носить дорогія одежды!

Когда мужчины возвращались изъ похода, они еле шли, такъ были отягчены добычею. Главное, что они приносили, это были слоновые клыки, — груды которыхъ складывались у порога домиковъ, а то и просто у наружной изгороди.

У нихъ были лодки; грубо сдѣланныя и тяжелыя на ходу,—иногда они нагружали эти лодки клыками и уплывали въ озеро, куда они плавали, мы пока еще не знали. Аисты говорили, что далеко, на томъ берегу, живутъ тоже люди и забираютъ охотно клыки, вымѣнивая ихъ на другіе товары. Дѣйствительно, когда лодки возвращались, то уже безъ клыковъ, а негры были необыкновенно веселы, пѣли, плясали и пили водку изъ боченковъ; женщины и дѣти всегда радовались такому возвращенію, пили тоже, и на ихъ курчавыхъ, смѣшныхъ такихъ головахъ появлялись цвѣтные платки и разныя украшенія.

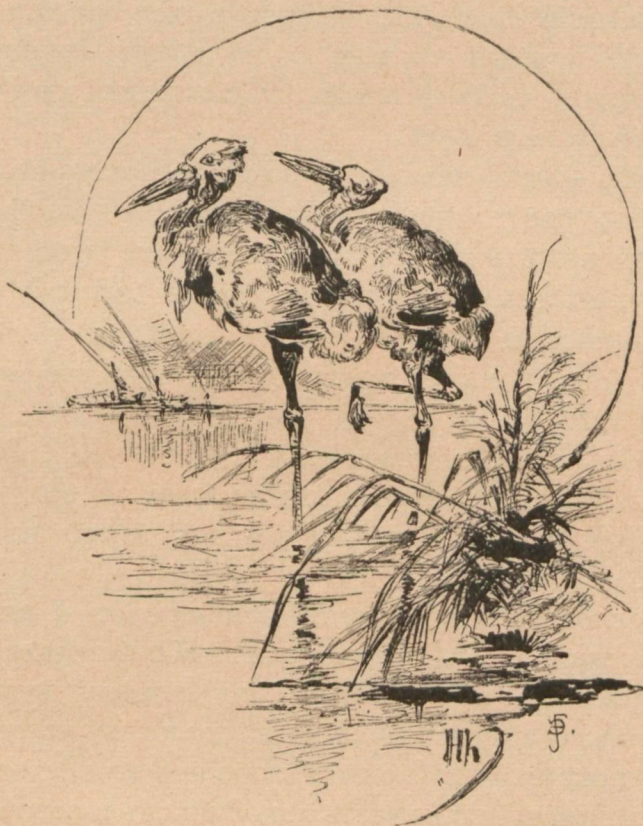

Разъ какъ-то небольшая партія мужчинъ, вернувшись съ охоты, привела съ собою бѣлаго человѣка съ связанными руками, съ окровавленной головою, измученнаго, еле переставлявшаго ноги.

Очевидно, что былъ несчастный плѣнникъ.

Они его накормили, напоили, развязали руки и заперли въ загонъ, приставивъ двухъ часовыхъ съ длинными копьями.

— Охъ, не къ добру они это сдѣлали! сообщилъ намъ старый Марабу, — это рѣдко обходится имъ безнаказанно!

Мы не понимали въ чемъ дѣло, но не прошло и недѣли, какъ мы были разбужены въ самую полночь заревомъ пожара, трескомъ пламени, пожирившимъ шалаши, стрѣльбою и криками отчаянія.

При яркомъ свѣтѣ огня — мы увидѣли, что партія бѣлыхъ и смуглыхъ людей окружила деревню и безпощадно истребляетъ ея обитателей... Мы не видѣли, погибъ ли плѣнникъ въ этомъ пожарѣ, былъ ли онъ освобожденъ, но не успѣло еще взойти солнце, какъ на мѣстѣ деревни остались только груды пепла и всюду валялись черныя тѣла мужчинъ и женщинъ. Даже дѣтей не пощадили кровожадные мстители!

Бѣлые забрали лодки, нагрузили ихъ клыками и скотомъ и поплыли къ югу, и мы почти до конца лѣта остались единственными обладателями созрѣва-
шаго кукурузнаго поля.

Сначала — наше положеніе показалось намъ весьма пріятнымъ, просто праздникъ наступилъ какой-то, точно эти разгромленные мѣста, эти поля и все, что на нихъ осталось, поступило въ наше распоряженіе какъ законное наслѣдство, конечно, за вычетомъ доли аистовъ, бѣдняковъ, потерявшихъ въ огнѣ свои косматыя гнѣзда.

Но дышать здѣсь скоро стало невыносимо... Вонь отъ разлагающихся труповъ далеко заражала воздухъ, и мы принуждены были перемѣнить мѣсто нашей стоянки.

Зато сколько собралось здѣсь крылатыхъ и четвероногихъ хищниковъ! Ихъ злобный вой и безконечныя драки долго еще нарушали тишину ночей и прекратились только съ возвращеніемъ нѣсколькихъ негровъ, чудомъ спасшихся отъ ночного побоища, пришедшихъ сюда на пепелищѣ оплакивать покойниковъ и возобновить свои жилища.

И намъ очень стыдно стало, что мы, думая, что всѣ перебиты, такъ безжалостно опустошали ихъ кукурузныя плантаціи.

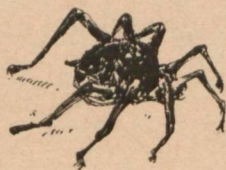
Мы даже простили имъ смерть дяди Клу-клу и другого нашего товарища, хотя въ душѣ и догадыва-

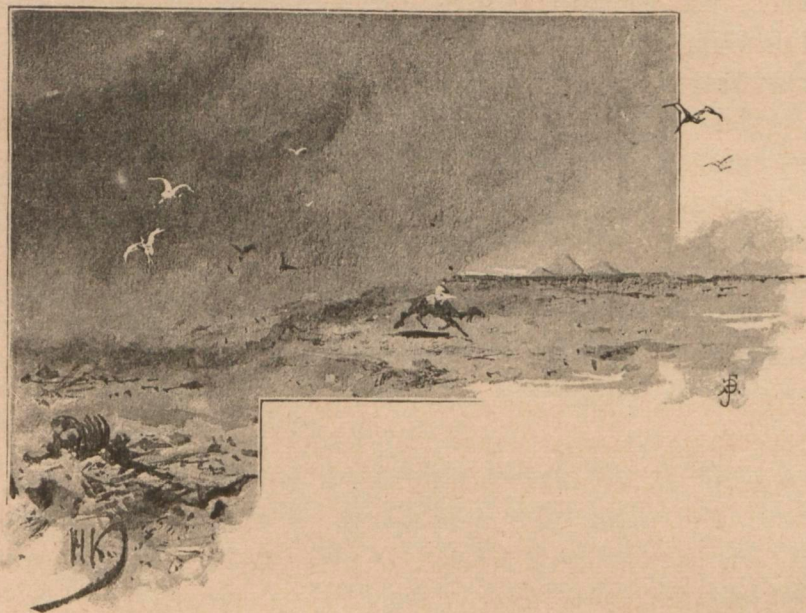
лись, что именно за это преступленіе покаралъ ихъ Господь, — а разъ покаралъ, то и намъ слѣдовало укротить свою злобу и встрѣтить несчастныхъ съ миромъ.

Да, поди-ка-встрѣть!.. Вернулись люди, вернулись съ ними и ихъ зубы.

Со злымъ свистомъ прорѣзала воздухъ стрѣла и впиалась въ землю, какъ разъ около моей Черношейки, еще бы немного, и я остался бы сиротою...

Люди, даже черныя люди, — положительно неправимы!

XX.

По смерти дяди Клу-клу, осталась его подруга, не молодая, но и не старая еще тучная Журка, и нашъ папа взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ такъ добросовѣстно погрузился въ новыя заботы, что замѣтно охладѣлъ къ намъ, говоря, будто мы настолько уже выросли и возмужали, что можемъ жить и своимъ разумомъ, но дѣдушка Долгоносъ оставался съ нами по прежнему... У него давно уже не было подруги, и онъ постоянно держался по близости насъ, навѣщая и Верхогляда съ моею сестрицею.

А дѣдушка сильно постарѣлъ за это время и ослабѣлъ. — Онъ уже больше отдыхалъ, чѣмъ леталъ, какъ

мы, по окрестностямъ и говорилъ, что только и мечтаетъ, только и молить Бога, чтобы Онъ, Милосердый, послалъ ему смерть дома, на родинѣ, позволилъ еще разъ взглянуть на наши милыя осташковскія болота.

Время подходило къ концу февраля и, изъ разговоровъ между стариками, мы заключили, что время нашего отлета приближается. Странно, чѣмъ меньше оставалось этого времени, тѣмъ оно тянулось медленнѣе и медленнѣе.

Сначала мы ограничивались только тѣмъ, что свои ежедневныя прогулки совершали исключительно по сѣверному направленію, и такимъ образомъ мало по малу, оставляли эти мѣста — оттягивая снова къ Хартуму.

Въ послѣднихъ числахъ февраля мы уже почти всѣ сгруппировались близъ устья Голубаго Нила, на окружающихъ это устье обширнѣйшихъ болотахъ.

Отсюда предполагалось организовать правильный

походъ, — дождавшись остальныхъ партій, кочевавшихъ въ верховьяхъ этого притока, въ Абиссиніи.

— Съ недѣлку погуляемъ здѣсь, да и съ Богомъ! вздыхая говорилъ дѣдушка Долгоносъ.

Онъ что-то частенько сталъ вздыхать, особенно къ ночи... Перелеты съ большихъ озеръ онъ дѣлалъ съ трудомъ уже, иногда даже отставалъ и нагонялъ уже на дневкахъ.

— Бодрисъ старина! утѣшалъ его нашъ папа... Мы вотъ тутъ долго будемъ отгуливаться, силъ набираться. Кушай больше, не утомляйся зря, — дастъ Богъ и сбережь силы.

— Не полагаю! вздыхалъ Долгоносъ... Только-бы до Филе добраться, хоть бы до этого-то мѣста, и то слава Богу!..

Это нашъ старикъ вспомнилъ о разобранныхъ нами іероглифахъ, — тамъ, на «Филе», тщеславіе, значитъ, заговорило... Мы поняли это, но не подали и вида, что понимаемъ.

Говорить при живомъ о его надгробной эпитафіи, по меньшей мѣрѣ, не деликатно.

Погода становилась туманнѣе, не холодно — нѣтъ, а какъ-то душно въ воздухѣ.

— Тамъ, на озерахъ, уже, я думаю, начались дожди, — сообщалъ премудрый Крыломахъ. — Я разъ только во всю свою жизнь задержался тамъ позднѣе немного.... Больныхъ было много между нами, я съ ними и остался. Ну, я вамъ скажу, времячко было! Не дай Богъ въ другой разъ... Птицы, крылатые птицы, и эти гибли, тонули въ этихъ невозможныхъ ливняхъ... страшное дѣло!

Слова эти оказались пророческими.

Дня черезъ четыре, по прибытіи нашемъ, на болота устій Голубаго Нила, къ вечеру поднялся такой густой туманъ, что не видно было ничего на длину даже нашего носа.

Мы съ Черношейкою прилегли бокъ о бокъ, забравшись подъ зонтичный листъ какой-то пальмы, и рѣшились выжидать. Казалось, мы остались только одни

на всемъ свѣтѣ, еслибъ не окликъ Верхогляда, гдѣ-то недалеко.

— Эге! крикнулъ онъ. Гдѣ ты тамъ? что то недоброе готовится!..

— Да ну, не пугай! откликнулась ему моя Черношейка.

А было чего испугаться не на шутку.

Туманъ бы это еще ничего, но страшно было это грозное затишье, страшень былъ этотъ удушливый воздухъ, пропитанный какъ будто сѣрою.

Багрово-красный свѣтъ виднѣлся въ сторонѣ заката, но онъ быстро потухъ, и наступилъ непроницаемый мракъ.

Вдругъ гдѣ-то далеко прокатился громъ, и долго-долго не умолкали его глухіе раскаты.

Вотъ словно вѣтерокъ пахнулъ надъ нами... Вѣтеръ ли это? — можетъ быть такъ, испуганная птица пролетѣла близко, у насъ надъ головами.

Снова раскаты грома, ближе значительно! Молніи нѣтъ, только туманъ все гуще и гуще, будто это уже не туманъ, а окружаетъ насъ водное пространство... Опять ударъ грома, и разомъ разразилась гроза, зашумѣлъ ужасающій ливень.

— Тону!.. простоналъ кто-то недалеко.

На насъ набѣжала волна... откуда она взялась, не понимаю. Мы взлетѣли немного, но сила ливня одолѣла силу крыльевъ. Съ трудомъ пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, мы, положительно, упали, а не спустились, къ счастью не на землю, а на какія то гибкія, хитро перепутанныя вѣтви... Кое какъ, работая и ногами и крыльями, мы удержались на этомъ зыбкомъ помостѣ. Подъ нами ревѣла и пѣнилась вода. — Минута была критическая.

Но тутъ насъ ослѣпила такая молнія, что въ сравненіи съ нею то, что мы видѣли въ бурю надъ моремъ,

показалось намъ пустою вспышкою... Разразился такой ударъ, что отнялъ у насъ разомъ и сознаніе и память.

Очнулся я, — меня, увы, уже одного несетъ волною, ударило обо что-то, опять понесло, и, наконецъ, я зацѣпился въ какихъ то заросляхъ. Кое-какъ справился я и сталъ немного соображать.

А ливень все хлещетъ и хлещетъ. Безъ вѣтра, прямо, отвѣсно льются струи холодного дождя, и, казалось, конца этому не будетъ. А какой шумъ при этомъ! Я попытался крикнуть. Напрасная попытка! словно у самого кончика носа оборвался мой крикъ и замеръ.

Громовые удары теперь слѣдовали почти непрерывно... Зеленоватый свѣтъ молніи не потухалъ. Усталый до нельзя, я не въ силахъ уже былъ держаться. Всѣ мои члены окоченѣли, и меня понесло снова.

— Ну, думаю, теперь уже пришла моя окончательная гибель!

Наконецъ я почувствовалъ подъ собою твердую почву, и въ то же время ливень прекратился разомъ. Пронесся сильный порывъ вѣтра, словно по мановенію волшебнаго жезла, разсѣялся мракъ и надо мною ярко и отчетливо заблестало созвѣздіе южнаго креста.

Вѣтеръ усилился, унося далеко черныя тучи, съ ихъ громами, молніями и этимъ безпощаднымъ ливнемъ, и долго еще слышенъ былъ глухой, замирающій шумъ пронесшейся надъ нами настоящей тропической бури.

— Я живъ, слава Богу... Но что съ нашими?..

И всѣ эти наши въ настоящую минуту сливались въ одномъ образѣ дорогой Черношейки.

— Что съ нею?!

До разсвѣта нечего было и думать о розыскахъ.

Взошедшее солнце быстро отогрѣло мои окоченѣвшіе члены. Я очутился на какомъ то островѣ, безъ

малѣйшаго признака растительности. Первое, что я увидѣлъ передъ собою, была страшная пасть крокодила, медленно подползавшаго ко мнѣ своими неуклюжими движеніями. Я чуть не лишился чувствъ со страха, но это было мгновеніе. Я рванулся, отскочилъ на нѣсколько шаговъ. Безобразный врагъ приподнялся на переднія лапы и злобно щелкнулъ своими челюстями.

Къ счастью, трупъ какой то маленькой антилопы, бѣлѣвшій на желтомъ пескѣ своимъ задкомъ, привлекъ на себя вниманіе чудовища, и я былъ спасенъ.

Кое-какъ справившись съ намокшими крыльями, я, не безъ труда, перелетѣлъ съ этой отмели на твердый берегъ и здѣсь сталъ собираться съ силами.

Часа черезъ два я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и тотчасъ же отправился на поиски.

Скоро я нашелъ небольшую группу нашихъ, рассказывавшихъ мнѣ просто чудеса о своемъ спасеніи. Нѣсколько журавлей, менѣе измученныхъ, согласились мнѣ помогать. Мы поднялись на воздухъ и стали мед-

ленно описывать круги, все расширяя и расширяя поле своих наблюдений.

И наблюдения эти увѣнчались успѣхомъ.

Прежде всего я замѣтилъ папу-Горлана со вдовою Клу-клу. Я очень обрадовался и спустился къ нимъ поздороваться. Но долго времени не терялъ, я только запомнилъ мѣсто, гдѣ папа приказалъ собираться къ вечеру.

— Старика розыщите! крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ, это главное!

Но конечно, мы съ нимъ расходились во мнѣніяхъ— о «главномъ»; по моему, главное, что я искалъ, я нашелъ только къ полудню. Моя Черношейка, слава Богу, осталась жива, ее такъ забило между камнями у самого берега, что выбраться безъ посторонней помощи было бы для нея невозможно.

— Ахъ, какъ я хочу кушать! это первое— чѣмъ она меня встрѣтила.

Этотъ дѣтскій эгоизмъ сначала непріятно кольнулъ меня въ сердце, но радость находки была такъ велика, что мнѣ было не до упрековъ. Помогши подругѣ выбраться на просторъ, мы тотчасъ же перелетѣли съ нею къ кустамъ, гдѣ можно было найти завтракъ, и я совершенно забылъ объ обязанности продолжать розыски.

Правда, что какъ только мы утолили первый голодъ, такъ тотчасъ же подумали объ этой обязанности и уже оба принялись за дѣло съ особеннымъ рвеніемъ.

Скоро мы увидѣли журку, летавшую понизью и безпокойно поглядывающую направо и налево.

Это была сестра.

— А Верхоглядъ? крикнулъ я ей.

— Не знаю!.. проговорила и заплакала.

Мы присоединили ее къ нашей группѣ и полетѣли дальше.

Осматривая пристально окрестности, мы замѣчали много труповъ всевозможныхъ животныхъ, это все были жертвы ночного ливня. Мы видѣли и трупы нашихъ, не выдержавшихъ борьбы съ потокомъ, но этихъ было къ счастью немного.

Осмотрѣвъ ихъ, мы не нашли между ними ни Долгоноса, ни Верхогляда.

— Должно быть спасены! проговорилъ кто-то.

За Верхогляда я не очень беспокоился. Этотъ смѣлый, сильный и находчивый малый, навѣрное съумѣлъ вывернуться изъ бѣды, но нашъ ослабѣвшій старикъ, нашъ, всѣми-любимый, дѣдушка тревожилъ насъ всѣхъ и для удобства розысковъ мы раздѣлились на нѣсколько партій.

Къ полудню вернулись мы къ тому мѣсту, гдѣ утромъ я видѣлъ папу. Тамъ уже было десятка два журавлей и съ ними вдова Клу-клу, но папы уже не было.

— Старика ищетъ! объяснила намъ его отсутствіе вдова. — Чудакъ! поѣсть даже не захотѣлъ, какъ отдохнулъ и отправился.

Это было совершенно понятно.

— Летятъ! летятъ! раздались радостные голоса.

Дѣйствительно, по взмаху крыльевъ приближавшихся къ намъ журавлей, мы узнали и папу-Горлана и Долгоноса. Они летѣли рядомъ, почти вплотную и папа поддержалъ старика, помогая ему осторожно спуститься.

Папа сообщилъ намъ, что видѣлъ и Верхогляда, но что тотъ, узнавъ отъ кого-то, что сестра моя спасена, полетѣлъ помогать другимъ.

— Гадкій, проговорила сестра.

— Молодецъ! укоризненно кивнулъ ей Долгоносъ, такъ и слѣдуетъ.

— Одобряю! согласился и отецъ.

И сестра успокоилась.

Къ вечеру собрались всѣ уцѣлѣвшіе. Потери наши на этотъ разъ, слава Богу, были незначительны.

Верхоглядъ прилетѣлъ послѣднимъ и принесъ кусокъ какой-то украшенной галуномъ тряпки, какъ доказательство, какъ увѣрялъ онъ, того, что провелъ страшную ночь на спинѣ слона, и вотъ ту тряпочку онъ оторвалъ отъ его сѣдла на память. Нашъ герой рассказывалъ, что подхваченный ливнемъ, онъ несея куда то во мракѣ ночи, но присутствія духа не терялъ. Улучивъ удобную минуту онъ рванулся кверху и успѣлъ подняться такъ высоко, что досталъ, ощупью конечно, до высокой кроны финиковой пальмы. Первымъ дѣломъ онъ поѣлъ финиковъ и собирался, захвативъ одну вѣточку съ собою, отыскивать свою подругу, но въ ту же минуту пальма, съ страшнымъ трескомъ повалилась внизъ и онъ чуть-чуть не попалъ съ размаха въ пасть крокодила; онъ даже задѣлъ его лѣвою ногою по зубамъ. Это была ужасная минута, которую онъ всю жизнь не забудетъ. Вмѣстѣ съ пальмою его несло по теченію, пока эта пальма не наткнулась на какое-то судно. Онъ слышалъ голоса людей и чувствовалъ запахъ гари и дыма. Сосѣдство было очень опасное и, переведя духъ за стѣнкою капитанской рубки, Верхоглядъ снова полетѣлъ, но выбился изъ силъ и ударился грудью о чей то громадный задъ. Судя по хвосту онъ узналъ слона и ловко взобрался къ нему на спину. Животное это должно быть принадлежало важному лицу, очевидно самому Хартумскому губернатору, по-

тому что на его спинѣ было дорогое сѣдло, украшенное золотою бахромою и снабженное красивою бесѣдкою. Въ этой то бесѣдкѣ, спустивъ предварительно стору, Верхоглядъ провелъ остальное время ужасной ночи, и къ разсвѣту, когда все стихло, оставилъ гостепріимную спину, замѣтивъ приближеніе людей.

— Я весьма сожалѣю, моя милая подруга, — обратился онъ къ сестрѣ, что не донесъ вамъ своей финиковой вѣточки; но если вы узнаете употребленіе, которое я изъ нея сдѣлалъ, то вѣроятно за это не посѣтуете.

— Добрый малый, вступилъ тутъ въ разговоръ дѣдушка Долгоносъ. — Это онъ мнѣ далъ позавтракать финиками. Я совершенно изнемогалъ, когда увидѣлъ Верхогляда, онъ первый нашелъ меня безпомощнымъ, покормилъ и улетѣлъ на розыски...

Все это насъ такъ тронуло, что разсѣяло всякія сомнѣнія въ фантастичности разсказа Верхогляда... Мы знали, что онъ многое тутъ привралъ, но вѣрить хотѣлось, и мы повѣрили.

Въ томъ то и дѣло, что надо умѣть отличить обыкновенную ложь отъ поэтическаго вдохновенія. Лгать всякій съумѣетъ, для этого надо только немного забыть свою совѣсть, но сочинять дано далеко не всякому. Сочиняютъ только натуры избранныя — и вамъ нѣтъ никакого дѣла, никакого интереса знать, было ли дѣйствительно все такъ, какъ разсказываютъ, лишь бы это разсказанное васъ заняло, вамъ понравилось бы и облагораживало ваши понятія.

Тронуло васъ, подѣйствовало на душу и сердце, ну и спасибо! А то находятся такіе любители полицейскаго розыска, что сейчасъ станутъ обливать васъ ушатомъ холодной воды.

— «Позвольте, господа, закричатъ они, — гдѣ же это видано было, чтобы журавли, не имѣя ни чернилъ, ни бумаги, вели бы свои путевыя записки?»

Не правда ли, что подобное замѣчаніе было бы по меньшей мѣрѣ не остроумно!

Конечно, бывшая вдова Клу-клу, нынѣ моя любезная мачиха, выслушавъ разсказъ Верхогляда, замѣтила, грубо немножко, но зато коротко:

— Все вреть!

Но ей это извинительно. Она особа глупая, мало развитая умственно, папѣ она понравилась только своею тучностью и спокойнымъ характеромъ. Но вѣдь какой же она критикъ! Я думаю, что даже самые недалекіе чирки и тѣ бы не придали ея критическимъ способностямъ никакого значенія.

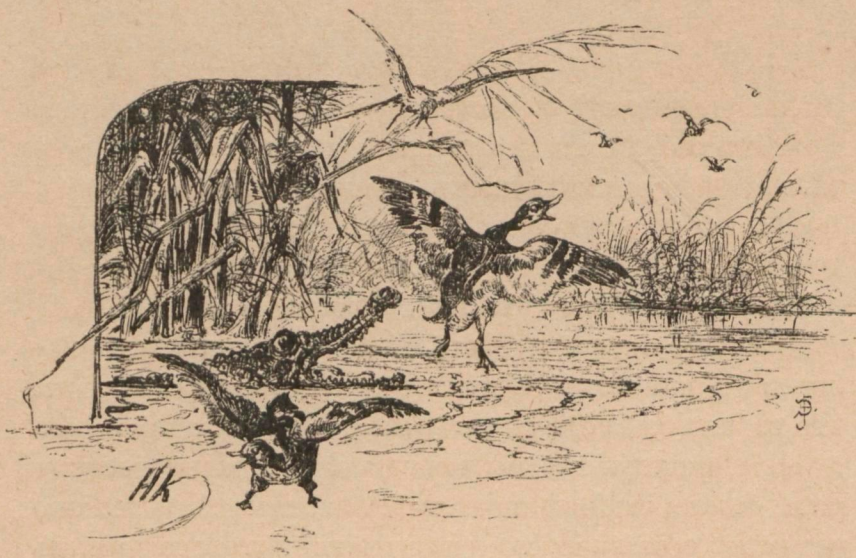
Вечеромъ, впрочемъ, Верхоглядъ, разговаривая съ сестрою, признался, что онъ собственно не помнитъ хорошо, что съ нимъ происходило во время катастрофы, но кажется ему, что именно то, что онъ разсказывалъ, даже нѣсколько больше.

— А финики? спросила сестра.

— Финики, это истина, отвѣчалъ Верхоглядъ, — финики были дѣйствительно финиками.

Въ тотъ же вечеръ вопросъ объ отлетѣ былъ рѣшенъ окончательно.

XXI.

На другой день мы приступили къ новому раздѣлу на треугольники и выбору предводителей.

Дѣдушка Долгоносъ наотрѣзъ отказался отъ званія главноначальствующаго, ссылаясь на свою старость и полное утомленіе, и на его мѣсто единогласно былъ избранъ нашъ папа Горланъ-трубачъ. Въ начальники отдѣльныхъ треугольниковъ также единогласно былъ выбранъ Верхоглядъ. Тотъ сдѣлалъ видъ, будто бы давно ожидалъ этого, и въ своемъ избраніи не видитъ ничего особеннаго, и покойно провѣрилъ сданныя подъ его начальство тридцать двѣ журавлиныя пары.

Онъ просто и ясно выразилъ имъ свои взгляды на дѣло.

— Я буду справедливъ, сказалъ онъ, — но строгъ безпощадно во время похода и общественной службы. Вы же всего этого, прошу васъ, господа, всѣхъ считать меня своимъ добрымъ старшимъ товарищемъ.

Но что меня удивило и привело въ восторгъ, это мое личное избраніе, приравнивающее меня къ положенію, занимаемому теперь Верховлядомъ.

Я, право, сначала не повѣрилъ, но большинство голосовъ, поданныхъ за меня, было такъ внушительно, что избраніе мое состоялось безъ всякаго противорѣчія.

Я, впрочемъ, подумалъ, что здѣсь играло большую роль желаніе сдѣлать пріятное для моего, всѣми глубоко уважаемаго, папа. Послѣ я уже зналъ, что кандидаты въ вожди были просто указаны дѣдушкою Долгоносомъ, а его авторитетъ былъ настолько силенъ, что съ его указаніемъ всѣ согласились безъ возраженія.

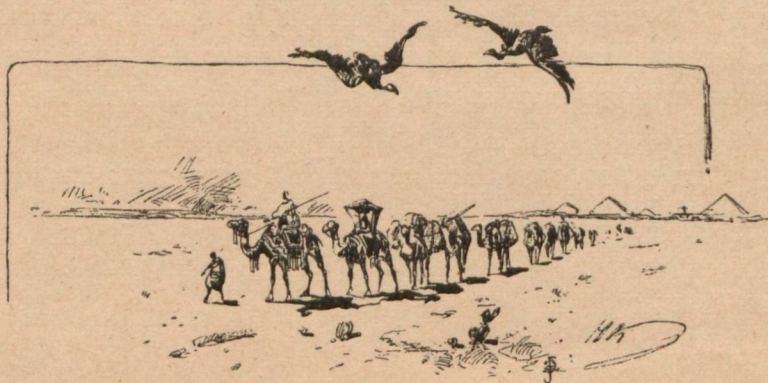
Я рѣчи не говорилъ, — я сказалъ только, что во всемъ буду слѣдовать примѣру и указаніямъ папаши.

Дѣйствительно это было самое лучшее, что я могъ придумать въ эту торжественную минуту.

— За исключеніемъ, впрочемъ, морскаго перелета, замѣтилъ папа. Лучше дня два лишнихъ, зато вѣрнѣе.

Мы рѣшили подождать здѣсь только премудраго Крыломаха со своими, чтобы потомъ летѣть сообща вплоть до Дунайскихъ гирль, гдѣ конечно мы должны были раздѣлиться по двумъ разнымъ направленіямъ.

Ждать пришлось недолго, не прошло и сутокъ, какъ явились нѣсколько отставшіе треугольники Крыломаха, уже готовые въ дальное путешествіе.

Мы тронулись въ большой походъ съ юга на сѣверъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня и скоро увидѣли на горизонтѣ волнистыя линіи песчаныхъ пустынь, прилегающихъ къ нижнему теченію Нила. Въ первую же ночь мы опустились въ окрестностяхъ Вади-Гальфа и провели эту ночь безъ всякихъ приключеній.

Моя Черношейка просто не спускала съ меня глазъ, она относилась ко мнѣ съ такою любезною предупредительностью, такъ ласково, что мнѣ просто не хотѣлось думать, — играетъ ли въ этомъ роль мое избраніе, или это все было бы также, еслибъ я оставался въ рядахъ простымъ журавлемъ, безъ ореола общественнаго довѣрія.

Въ два слѣдующихъ перелета мы достигли Филе съ его многовѣковыми развалинами.

Дѣдушка Долгоносъ такъ ослабѣлъ, что на первомъ перелетѣ отсталъ на нѣсколько часовъ. Ради него мы должны были сдѣлать невходящую въ наши расчеты дневку.

Здѣсь же, прибывъ къ Филе, старикъ безпомощно опустился на землю и положительно отказался продолжать совмѣстное путешествіе.

Грустно провели мы весь вечеръ вокругъ нашего умирающаго бывшаго вождя и опытнаго руководителя.

Долгоносъ лежалъ какъ разъ у обломка, на которомъ мы прочитали его имя. Ночь была тихая и лунная... Шакалы жалобно завывали на томъ берегу, и краснѣли во мракѣ мигающія точки огоньковъ на рыбачьихъ лодкахъ.

Старикъ говорилъ намъ:

— Живите мирно, живите, не желая никому зла, а если вамъ кто сдѣлаетъ зло, не мстите. Помните, что всякая месть безсильна и не приноситъ утѣшенія. Никого не осуждайте, помня, что и вы всѣ способны на поступки, достойные осужденія. Держитесь всегда въ крѣпкомъ союзѣ. Союзъ — сила и помните, что общественный долгъ и общее дѣло выше вашего личнаго. Любите, — любовь все... Единственно только любовь есть мать всѣхъ земныхъ радостей и наслажденій. Сила любви сильнѣе силы смерти, и если я умираю спокойно, то только потому, что въ предсмертныя мои минуты, когда вы будете далеко отъ меня, я съ любовью буду слѣдить за вами, живо представляя себѣ всѣ ваши радости возвращенія на нашу чудную, дорогую родину. Ко сну клонитъ! — прошепталъ онъ чуть слышно и смолкъ...

А къ разсвѣту, когда все было готово къ отлету, нашъ Долгоносъ лежалъ, вытянувъ прямо ноги, подогнувъ свою хохлатую голову подъ окоченѣвшее крыло, и тысячи черныхъ мурашекъ ползали по немъ совершенно безнаказанно.

Мы снялись молча, и во весь этотъ перелетъ печальное молчаніе не нарушалось ни разу.

Вотъ и Каиръ. Вотъ и зеленныя равнины дельты Нила. Вотъ и чудная синяя полоса Средиземнаго моря.

Прежнія впечатлѣнія возстановлялись сами собою, карта нашего путешествія рисовалась теперь совершенно ясно и отчетливо, только воображеніе наше забѣгало впередъ и впередъ, и мы уже, хладнокровно пробѣгая глазами всѣ эти знакомыя красоты во-

стока, живо представляли себѣ наши кочковатыя болота, наши убранныя цвѣтами родныя кочки, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидая конца путешествія.

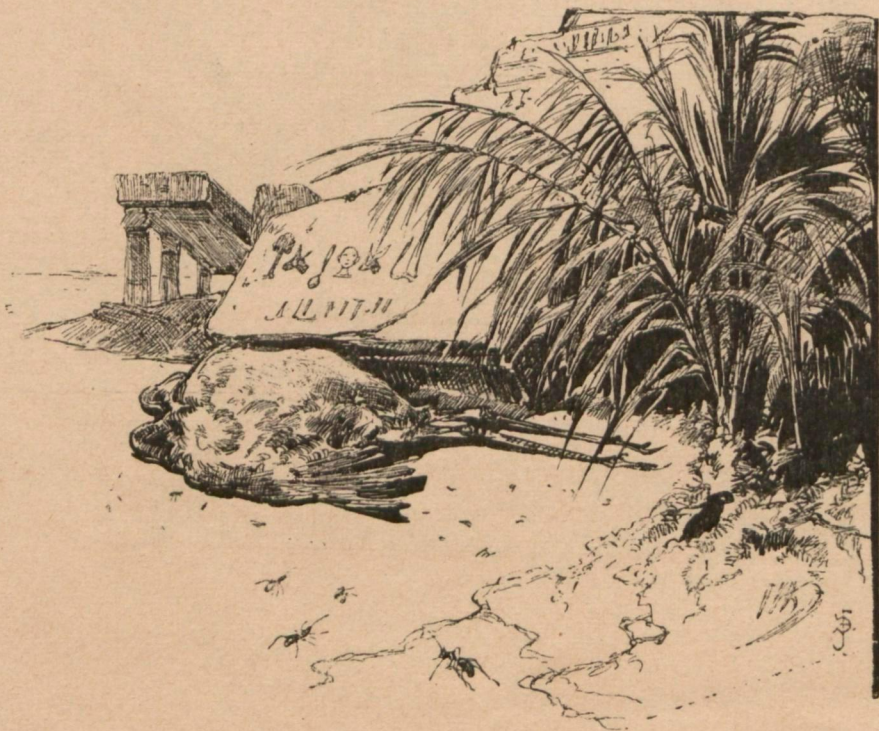
У Дунайскихъ гирль — легіоны премудраго Крыло-маха разстались съ нами.

Трогательно прощался старый главарь съ нашимъ папою, онъ говорилъ, будто предчувствуетъ, что это его послѣднее путешествіе.

— А знаешь, другъ мой, говорилъ онъ, когда присутствуешь при такой прекрасной, честной смерти, какою умеръ нашъ незабвенный Долгоносъ, такъ, право, самому умирать нисколько не страшно.

— Ну, полно! утѣшалъ его папа, проживемъ еще и летаемъ.

Но премудрый Крыломахъ былъ правъ, предчувствіе его не обмануло. Болѣе мы съ нимъ уже никогда не встрѣчались.

XXII.

Мы уже весело и бодро, по временам издавая радостные трубные звуки, неслись надъ темными еловыми лѣсами сѣвера. Былъ конецъ марта.

Еще далеко не вездѣ сошелъ снѣгъ, но уже солнышко пригрѣвало изрядно. Только ночи были холодныя и по утрамъ порядочно морозило. Но съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе.

Вотъ и апрѣль съ своими шумно бѣгущими, вешними водами, съ первою зеленью, первыми цвѣтами подснежника... Уже недалеко осталось.

Радостное событіе предшествовало нашему возвращенію на родину.

Къ намъ присоединился новый журавль, тотъ самый плѣнникъ, о которомъ рассказывалъ Верхоглядъ.

— Онъ говорилъ, что такъ пріучилъ къ себѣ лю-

дей, что они оказали ему полное довѣріе и забыли подрѣзывать крылья. Всю зиму онъ провелъ въ тепломъ сараѣ, вмѣстѣ съ курами и другою домашнею птицею. Передъ весною о немъ вспомнили и онъ услышалъ разъ страшное слово «ножницы», тогда онъ рѣшился бѣжать. Крылья его настолько подросли, что онъ могъ дѣлать невысокіе перелеты, достаточные однако, чтобы перелетѣть заборъ и даже крыши сосѣднихъ сараевъ.

Онъ выбралъ удобную минуту и бѣжалъ.

Первое время онъ проводилъ въ сосѣднемъ ельникѣ, рискуя замерзнуть или умереть съ голоду, питаться ему приходилось изрѣдка, отрывая изъ-подъ снѣга замерзшія, почернѣлыя ягодки брусники, а то такъ и просто расклеывая павшія сосновые шишки. Стало теплѣе, стало и сытнѣе. Крылья между тѣмъ все отростали и отростали, онъ могъ уже порядочно летать; практика dokonчила дѣло. Сегодня утромъ онъ услышалъ въ воздухѣ высоко надъ собою наши трубы, увидѣлъ насъ, почувствовалъ разомъ удесятѣрившіяся силы и догналъ первый треугольникъ.

— Вѣдь не прогоните-же меня вы, братцы! Примите меня, пока чужого, въ ваше общество?! просилъ онъ.

Ну, конечно, его приняли съ восторгомъ и нескрываемою шумною радостью.

Встрѣча освободившагося плѣнника съ Верхоглядомъ была, поистинѣ, трогательна.

Еще два три усиленныхъ перелета и мы, наконецъ, дома.

Мы въ этотъ день миновали Москву. Летѣли мы надъ нею ночью. Весь городъ, особенно церкви, были ярко иллюминированы огнями; тысячи народу окружали храмы, наполняя не только ихъ внутреннее пространство, но даже дворы и прилежащія улицы. Всюду

теплились миллионы крохотныхъ огоньковъ и надо всѣмъ этимъ стоялъ немолчный, знакомый намъ благовѣстъ колоколовъ.

Это была ночь великаго праздника, и повѣрители, что мы, птицы, раздѣляли какъ будто радость и тихій миръ, царствовавшій въ эту минуту въ сердцахъ человѣческихъ.

Это былъ свѣтлый привѣтъ родины, торжество нашего возвращенія.

На третій день мы увидѣли на горизонтѣ Осташковскія болота... Наши кочки!

Мы неслись съ такою скоростью, я думаю, что съ большею, чѣмъ мы тогда удирали отъ налетающей на насъ бури — и стали спускаться.

Мѣста наши мы нашли далеко не въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ мы ихъ оставили. Было еще рано, снѣгъ только что стоялъ, и бѣдная зелень чуть-чуть, кое-гдѣ пробивалась сквозь бурый, прошлогодній мохъ. Но съ каждымъ днемъ все принимало понемногу прежній живописный видъ, и мы, не теряя времени, принялись за устройство становища.

Наше старое гнѣздо занялъ, по праву, папа съ своею новою женою. Я съ Черношейкою, выбравъ прелестную кочку, принялись устраиваться по близости. Верхоглядъ, съ моею сестрою, — шагахъ не болѣе въ сорока отъ насъ.

Работа кипѣла быстро и черезъ недѣлю гнѣзда были готовы, да такія — что прелесть! особенно наше. Я нечаянно наткнулся на кусокъ стараго войлока, должно быть забытаго пастухами, и понемногу расщипавъ его на куски, перетаскалъ весь. Хватило вволю на устилку, даже можно было подѣлиться съ папа и Верхоглядомъ.

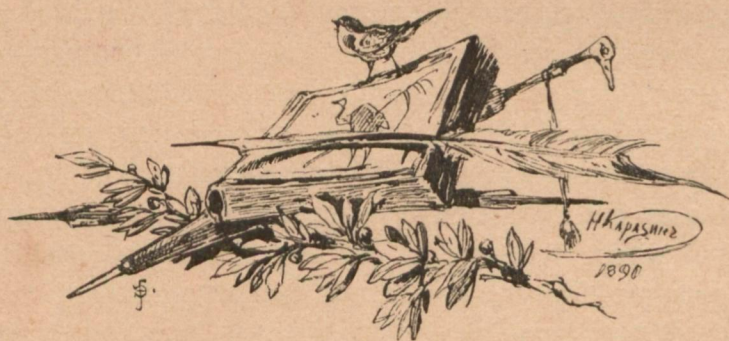
Скоро въ нашихъ гнѣздахъ появилось по два прелестныхъ зеленовато-сѣрыхъ съ бурыми крапинками

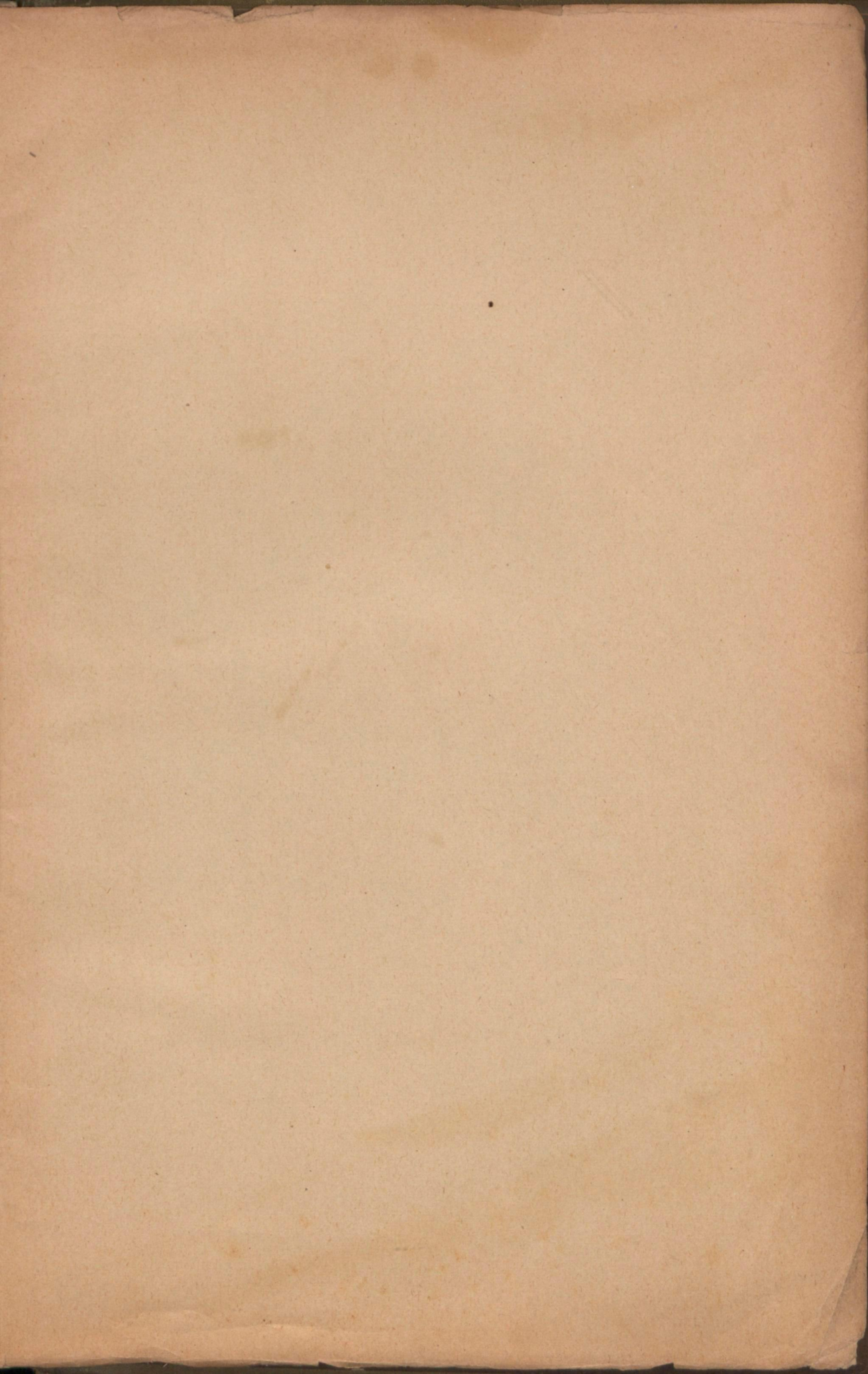
яйца, и наши милыя подруги жизни мирно и покойно уѣлись на нихъ, вполнѣ обезпеченныя подѣ нашею взаимною охраною.

Какъ незамѣтно прошло урочное время высидки! Помню, я разѣ возвратился съ поисковъ за кормомъ и засталъ у себя въ гнѣздѣ двухъ пресмѣшныхъ, но дорогихъ сердцу птенчиковъ. Я тотчасъ же крикнулъ своему сосѣду Верхогляду:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью! и услышалъ его, уже нѣсколько хрипловатое:

Поздравляю!..

1-10